
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ЛЕГИТИМНОСТИ ВОЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Е.Г. Пантелеев

Кафедра социологии

Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая, 10/1, Москва, Россия, 117198

Данная статья содержит попытку социологического рассмотрения ряда принципиальных вопросов, касающихся механизмов легитимации вооруженной борьбы как через характер этой борьбы, так и через определение прав агентов того или иного типа такую борьбу вести. На этой базе делаются некоторые выводы относительно будущей судьбы самой концепции безопасности и военного доминирования.

Состояние военных организаций различных правовых форм в настоящее время можно охарактеризовать как неопределенное. Характер развития этих организаций указывает на то, что умеренная адаптация их к новым условиям деятельности уже не соответствует требованиям времени, необходим качественный переворот не столько в техническом оснащении и структуре военных организаций, сколько в самой природе их взаимоотношений с обществом.

Прежде всего следует сформулировать основные вопросы, которые в настоящее время стоят перед военными организациями.

Первый вопрос заключается в том, можно ли классифицировать вооруженную борьбу исходя из критерия легальности или морали. Для Европы с начала XVII в. [8. С. 520], а в общем виде — значительно раньше [4. С. 278] такой подход вполне характерен. Анализ вооруженной борьбы с точки зрения ее законности и справедливости также может быть дополнен рассмотрением ее с учетом возникшего позднее стремления «социологизировать» понятие справедливости, подразумевавшим ее формулирование не на основе конвенции (как это делают в рамках международного права) и не на основе требований ценностно-нормативной базы (как это сделали, например, императоры Македонской династии, сформулировав концепцию «христолюбивого воинства» (1) [5. С. 85]), но в соответствии с требованиями научного метода.

Относительно узкого юридического подхода можно сказать, что хоть он часто и способен дать недвусмысленное определение тому, достойна та или иная война апологии или осуждения, но применим лишь в том случае, если между всеми заинтересованными сторонами существует конвенция не только по поводу норм такого «права», но и по поводу их толкования. Ситуация еще больше осложняется тем, что заинтересованные стороны, даже если бы и пытались быть объективными, неизбежно путались бы в «показаниях», что было отчетливо продемонстрировано в ходе последней кампании в Закавказье.

Ценностный подход к обоснованию вооруженной борьбы страдает от этих трудностей еще больше, поскольку даже кодифицированные элементы ценност-

но-нормативной базы практически невозможно сделать глобальными и обязательными для всех иначе как при помощи все той же военной силы.

Сциентизм же, будучи формально свободен от вышеуказанных ограничений, имеет, тем не менее, свои собственные. Признавая локальными и относительными критерии морали и закона, исследователь вынужден выдвинуть некий иной критерий, которым он будет руководствоваться.

Примером такого подхода является существующее в марксизме стремление определять справедливость войны по критерию ее прогрессивности [6. С. 245]. Однако операционализация этого понятия обычно встречалась с затруднениями, как правило, не позволяя судить о войне иначе, чем в границах шкалы «больше-меньше». Кроме того, постоянно возникал вопрос о том, может ли война, реакционная по своему характеру, быть прогрессивной по своим отдаленным последствиям и может ли война, однозначно прогрессивная сегодня, повториться в условном историческом «завтра» как реакционная? Этот вопрос является ключевым для анализа колониализма, ведь для марксистского подхода важно отметить тот исторический пункт, в котором первоначальное накопление капитала и распространение капитализма по планете из исторически прогрессивных явлений стали тормозом социально-экономического развития.

Можно также, по-прежнему подходя к вопросу с позиций социологии, сформулировать понятие необходимой войны. Таковой можно признать вооруженную борьбу, органически вытекающую из того пути, по которому идут ее будущие участники в мирный период. Следует заметить, что полный детерминизм здесь более чем сомнителен, скорее имеет смысл говорить о своего рода воронке шансов, где пространство решений всех заинтересованных сторон экспоненциально сокращается, вырождаясь в итоге в своего рода «сингулярность» войны. Примером такой ситуации можно считать то, как основные участники Первой мировой войны в нее вступали [3. С. 212].

Из всего сказанного выше вытекает следующее наблюдение: набор используемых социологом методов и теорий так же верно предопределяет его отношение к конкретному вопросу, как это сделала бы общая моральная база или столь же общий закон, и реальное преимущество сциентизма в данном вопросе достижимо лишь если чрезвычайно серьезно подходить к обоснованию (или фальсификации) своего теоретико-методологического инструментария.

Второй вопрос касается того, в какой мере вооруженная борьба приобретает внутреннюю легитимность. При кажущемся сходстве с первым, данный вопрос имеет серьезные отличия. Суть его в том, что существуют различные способы определить легитимного агента вооруженной борьбы и понять, всегда ли эта легитимность взаимна и к чему ведет отсутствие такой взаимности.

Первоначальные представления об этом в средневековой Европе базировались на признании законности положения ведущих войну сторон со значительной долей личных обязательств — как со стороны воинов, так и со стороны феодалов. Единая система классовых представлений позволяла выработать тип сознания воина, который имел вполне определенные ожидания в отношении того, какое место он

занимает в процессе борьбы. Иногда эти правила нарушались, например, военный устав города Люцерн 1449 г. предписывал не брать никого в плен, а убивать пленных [4. С. 310]. Но даже эти воины представляли власть своего нанимателя или кантона и приобретали легитимность в буквальном смысле «за чужой счет».

По мере развития идей абстрактной государственности и институционального поглощения военных организаций государственной бюрократией (процесс, который в общих своих чертах завершился во время Великой французской революции, а полностью — во время Первой мировой войны) менялись и механизмы легитимации воюющих структур. Прежде всего была постепенно утрачена гарантия взаимности. Подобные случаи имели место и прежде, например, в отношении альбигойцев или гугенотов.

В частности, относительно первых имеются многочисленные указания на события в Лангедоке 1208—1216 гг. Предводитель крестового похода Симон де Монфор совершенно сознательно (и по взаимному согласию с жителями края) пренебрегал даже неформальными «правилами войны» того времени, что отчасти объяснялось религиозным характером войны, а отчасти — глубокими культурно-этническими и даже социальными различиями между противниками [7. С. 212].

Это приобрело еще большее значение в случае с гугенотами в том же регионе, так как социальное содержание событий XVI в. уже очевидно проглядывало сквозь религиозное, что характерно и в целом для Реформации в Европе и заслуживает отдельного рассмотрения с социологической точки зрения [10].

Позднее новый набор значимых концепций, ограничивающих легитимное участие в вооруженной борьбе, породил целую систему оценки того, какое та или иная группа имеет право участвовать в войне и как к ней следует относиться. «Легитимисты» старой Европы не считали французскую революционную армию вполне «законной», тогда как революционное правительство Франции не считало солдатами вандейских повстанцев, которые, однако, были более чем «в своем праве» в собственных глазах. Своего рода шедевром подобной классификации можно считать положения Священного Союза. Параллельно с этим по мере увеличения численности армий прежние представления о том, кому в них служить, также изменялись. Одни группы населения считалось опасно вооружать, другие требовали особых районов службы (вершин в усложнении этой системы достигла по понятным причинам Австро-Венгрия). Концепция гражданства вместила в себя целый набор прав и обязанностей в отношении участия в вооруженной борьбе.

Однако деятельность военных структур, которые не подчинены государству и не являются частью его системы управления, считалась принципиально «незаконной». Тех же «франтиреров» германские войска в 1871 г. считало разбойниками [9. С. 289], хотя партизанское движение было явлением не новым и часто использовалось правительствами — к вящему недовольству других правительств.

В настоящее время, тем не менее, имеется противоположная тенденция. Государства не отказываются от своих армий, пуская их в «свободное плавание», но в самих обществах в определенных условиях формируются организованные силы, которые легитимизируют себя сами на основе тех или иных принципов, после

чего их представители могут участвовать в вооруженной борьбе. Партизаны и наемники (целые организации наемников!) традиционно порождают в военном обиходе ряд вопросов относительно определения «комбатанта» и того, кто может считаться «партизаном», а кто — «разбойником», кто может быть взят в плен как солдат, а кто может быть арестован как преступник.

Общих принципов здесь несколько. Во-первых, необходимо еще раз отметить различие между внешним и внутренним признанием права вести борьбу. Внутреннего признания более чем достаточно для того, чтобы войну начать, но недостаточно для признания другой стороной. Во-вторых, в таком случае неизбежно, что все стороны конфликта будут тяготеть к подрыву легитимности врага именно как равноправного участника, чаще всего желая представить его как объект «полицейской операции». Современная система международных отношений, кроме прочего, стремится делегитимизировать некоторые формы оккупации. В-третьих, мы вынуждены признать, что любая работающая система «правил честной войны» немислима без обоюдного признания сторон (2). Добавим также, что технологическая депривация может толкнуть одну из сторон на путь террора, но депривация правовая делает это в любом случае. Однако перспектив избежать подобного способа организации борьбы существует немного — в связи с теми проблемами, которые будут подробнее освещены далее.

Третий вопрос связан с тем, что процессы, имеющие место в современных обществах, вызывают эрозию концепции «военного доминирования» как таковой. Ловушка, которая подстерегает современное общество, скрывается не в войне, а мире. Строго говоря, таких ловушек две.

Первая ловушка связана с развитием императива мира и его концептуализации. Гроций, Прудон и даже Лиддел-Гарт, рассуждая о том, что война ведется ради заключения мира, немало удивились бы теперешнему понятийному аппарату, описывающему такие явления. Конечно, войну можно определить как акт достижения мира, это естественно вытекает из диалектической связи данных понятий. Но то, что «принуждением к миру» может быть непротиворечиво названа абсолютно любая война, несколько выхолащивает саму идею миротворческой войны. Делёз даже употребил понятие *Combat against War* [12], т.е. бой «против войны», а вовсе не «за мир». Более того, стремление к миру стало настолько общим местом, что использование «умиротворяющих» реальность эвфемизмов стало необходимостью, и признать то, что ты ведешь войну, стало просто проявлением дурного тона. Подобное порождает войны особого типа, которые «ведутся в действительности, но никоим образом не в теории» [11. С. 282]. Такая война не может смениться миром даже на уровне концепции, потому что состояние мира не признается нарушенным и, оставаясь в таком «мире», можно вести вооруженную борьбу в меру своих материальных возможностей.

Вторая же ловушка коренится в рациональной мифологии «безопасности», которая традиционно представляется как нечто, возникающее при отведении угроз, в том числе и военной силой. Однако там, где отрицается война, а завоевания часто неочевидны, это приводит к тому, что разрушается понятие победы, распа-

даясь на множество частных «побед» и «решений». Это влечет за собой состояние, в котором общество ведет своего рода «крестовый поход» за безопасностью: настороженно ждет угроз из всех областей неопределенности, над которыми у политических агентов нет власти. А агенты военные, даже добившись военного же доминирования, лишены возможности конвертировать его в «безопасность», ради которой все номинально и начиналось. Отличным примером такого «бега на месте» является поход США против «оси зла» и изобретение ими же понятия государства-изгоя. Такое положение вещей толкает к желанию установить свой суверенитет везде и всюду — ради вящей безопасности. Но в условиях, когда сам государственный суверенитет классического типа подвергается критике, подобный путь может привести к тому, что зоной волнений, анархии и неопределенности будут становиться все более обширные районы. Все и везде будут бороться за безопасность — но именно по этой причине никто не сможет ее добиться.

Именно такого рода проблемы должны в ближайшее время вызвать кардинальное структурное преобразование военных организаций. Насколько глубоко зайдет к этому моменту кризис безопасности и удастся ли вообще преодолеть его на данном этапе или же его придется просто «пережить», сейчас пока трудно сказать. Однако ясно, что добрая воля человечества, если даже признать ее существование, окажется бессильна без кардинального переустройства самих принципов принятия решений, чего нельзя добиться без глубокого понимания тех перемен, которые у нас на глазах происходят во взаимоотношениях треугольника «общество — государство — военная организация», а равно и в самом понимании власти, военного господства и безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Следует заметить, что папа Урбан находился в принципиально ином положении, так как не мог провозгласить все до единой войны, ведущиеся католиками, войнами «справедливыми». А вот императоры ромеев, особенно после разделения церквей, могли, и даже борьба с другими православными народами не вызывала концептуальных проблем, так как культурная мысль Империи полагала ее центром непосредственного влияния Бога на землю.
- (2) Едва ли не самым впечатляющим актом взаимного признания была встреча герцога Мальборо и Евгения Савойского с маршалом Вийяром, которые перед битвой при Мальплаке в 1709 г. произнесли тост за своих монархов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Апресян Р.Г.* Метанормативное содержание принципов справедливой войны // <http://www.politstudies.ru/N2004fulltext/2002/3/6.htm>
- [2] *Борон А.* Империя и марксистская теория империализма. Аргументы для спора // <http://www.left.ru/2004/10/boron109.html>
- [3] История первой мировой войны 1914—1918 гг. — М., 1975.
- [4] *Контамин Ф.* Война в Средние века. — СПб., 2001.
- [5] *Кучма В.В.* Военная организация Византийской империи. — СПб., 2001.
- [6] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. — Т. 34. — Л., 1951.
- [7] *Осокин Н.А.* История альбигойцев и их времени. — М., 2000.

- [8] *Разин Е.А.* История военного искусства. — Т. 3. — СПб., 1999.
[9] *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства. — М., 2003.
[10] *Уваров П.Ю.* Что стояло за религиозными войнами XVI века? От социальной истории религии к «le vйsu religieux» и обратно // <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Uvarov-2004.html>
[11] *Юнгер Э.* Тотальная мобилизация // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. — СПб., 2000.
[12] *Alliez E., Negri A.* Peace and War // *Theory, Culture and Society*. — Vol. 20. — № 2. — 2003.

CONCEPTUAL APPROACHES TO THE PROBLEM OF WAR ORGANIZATIONS LEGITIMACY

E.G. Panteleev

Sociology Chair

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklai str., 10/1, Moscow, Russia, 117198

The axis of the publication is the endeavor involving the sociological study of pivotal questions pertaining to armed struggle legitimization patterns via the nature of the struggle as well as by means of the specific agents' rights definition to be engaged in the struggle. Some conclusions concerning the future of the very concept of security and military dominance are derived from the study.